

УДК 008. 001.14

Багдасарьян Н.Г.

**ГЛОБАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ:
РАЗРЫВЫ СОВРЕМЕННОСТИ В ТЕНДЕНЦИЯХ И ПАРАДОКСАХ**

Аннотация. Проблема глобального будущего – его конфигурации и качественных характеристик – волнует сегодня не только интеллектуалов. Все большее число людей ощущает нарастание угрожающих существованию человечества тенденций. В статье рассматриваются возможности целенаправленного воздействия на социоприродные системы, целью которого стало бы предотвращение гибели мира в его предельном состоянии – точке хаоса и удерживание человечества в ситуации техно-био-гуманитарного баланса.

Ключевые слова: глобальные тренды, «эффект бабочки», этика науки, седьмой технологический уклад, социально-гуманитарная экспертиза, новый способ мышления, культура, образование

Новый мировой беспорядок

Конфигурация современного мира меняется буквально на глазах. Еще недавно вряд ли кто-то мог ошибиться в ответе на вопрос, какая страна является лидером в претензиях на мировое господство. Во всех сферах такого господства – экономическом, военном, культурном, технологическом, интеллектуальном и институциональном – доминировали США. Это самая большая экономика в мире. На ее вооруженные силы тратится больше средств, чем могут позволить себе все 14 следующих за США держав. Ее популярная культура – от фильмов и музыки до фастфуда – проникла во все уголки земного шара и не имеет серьезных конкурентов. Американские университеты являются лучшими в мире. Американские компании лидировали в информационной революции. Большинство институтов, играющих важную роль в мире, расположены в США (ООН, Международный валютный фонд, Всемирный банк) или же Америка играет в них ключевую роль (НАТО).

Однако сегодня доминирование Соединенных Штатов во всех этих сферах поставлено под угрозу. И дело не только в финансовом кризисе и в революционных волнениях в странах африканского континента. И даже не в войне в Ираке, фатальным образом сказавшейся на отношении всего мира к США как к мировому лидеру. Дело в том, что другие страны и другие культуры изменили темпы развития. Европейские и американские прогнозные агентства едва ли не ежегодно пересматривают свой взгляд на темпы развития Китая и Индии. Так, недавно GoldmanSachs (GS) скорректировал свои прогнозы относительно того, когда китайская экономика превзойдет американскую. Банк считает, что это произойдет не в 2035 г., как предполагалось прежде, а в 2027 г. Экономика Китая и так на четвертом месте в мире, а к 2020 г. она обгонит всех членов восьмерки. Экономика Индии, как считают те же аналитики GS, достигнет того же результата к 2025 г.: обгонит шесть других членов Группы восьми (Group of eight, G8), а к 2050 г. перегонит и США. На наших глазах центр экономической мощи смещается на Восток. А размер экономики неизбежно конвертируется в политическую мощь. Военные расходы Китая уже в настоящее время, как считают аналитики, достаточно велики, чтобы оспорить первенство США в Азии, в особенности в случае обострения конфликта вокруг Тайваня (впрочем, опыт иракской войны говорит о том, что подавляющее превосходство в технике не панацея). Может быть и преждевременно считать, что падает американское лидерство в технологической и интеллектуальной сферах (хотя ужесточение мер безопасности после 11 сентября 2001 г. сказалось на возможностях американских университетов привлекать лучшие юные умы), но Китай и Индия интенсивно наращивают инвестиции в собственные исследовательские центры.

Таким образом, очевидно, что мир вступил в эпоху великих перемен и глобальных потрясений.

Порой представляется, что тренды, которые все выразительнее проявляются в жизни современных обществ, – это свидетельство парадоксальным образом включившейся программы самоуничтожения человечества. Назовем лишь некоторые из тенденций, свидетелями и участниками которых мы являемся:

- стремительные изменения климата, приводящие к перманентному экологическому кризису и следующим друг за другом природным катаклизмам, следствием которых становится дефицит пищи, воды и энергии, сокращение биологического разнообразия;
- возрастание числа организованных войн и стихийных волнений, террористических актов, умножение экстремистских политических и религиозных движений;
- рост техногенных факторов в жизни человечества, ведущих к риску мега-катастроф, провоцируемых авариями АЭС и утечкой ядерных отходов;
- совершенствование информационных технологий, влияющих на основы самоорганизации психических и когнитивных процессов, которые отвечают за способность поддерживать личностную целостность и идентичность;

- слабо контролируемые следствия внедрения достижений генной инженерии, изменяющей жизненные балансы природной среды обитания человека и природы самого человека;
- увеличение демографического давления, неравномерности распределения антропологического ресурса: богатство и власть становятся все более сконцентрированными, ширится пропасть между богатыми и бедными, усиливается маргинализация обществ, растет уровень незащищенности людей из-за неконтролируемости природных, техногенных и социальных процессов;
- человечество вступило в эпоху перманентных социально-экономических и политических кризисов, что обусловлено глобализационной связанностью, достигнутой к началу третьего тысячелетия.

Каждый из названных (и не названных, но столь же серьезных) трендов требует не только глубокого анализа с целью понимания этих процессов, но и корректировки социокультурной деятельности человека.

«Эффект бабочки» и иерархия ценностей

Сверхчувствительность современного мира проявляется в том, что даже незначительные колебания имеют крупномасштабные последствия. В качестве примеров можно привести бесконечный перечень катастроф и катаклизмов разного рода – экономический кризис конца первого десятилетия XXI в., «эффект политического домино» в странах африканского континента, масштабные наводнения в разных частях планеты, наконец, цунами и землетрясение в Японии. Последствия – как мгновенно следующие за событиями (рост цен, котировок на биржах), так и весьма отдаленные (изменение карты мира, например) – сказываются и в тех странах, которые, казалось бы, далеко отстоят от центров событий.

Подобные взаимодействия описываются легендарным «эффектом бабочки», открытым американским математиком и метеорологом Эдвардом Лоренцом еще в 1960-е гг. Он, пытаясь смоделировать на компьютере сверхчувствительную эволюцию мировой погоды, обнаружил, что конфигурация ее траекторий похожа на крылья бабочки: небольшие колебания воздуха, которые производит крылышками бабочка-данаида в Айове, усиливаются так, что, в конце концов, вызывают в дождливый сезон бурю над Индонезией. Любая помеха может повлиять на метеосистему, которая находится в перманентно хаотическом состоянии и управляется хаотическими привлекающими факторами. Такие факторы применимы, прежде всего, к находящимся на грани хаоса живым системам (в частности, к людям). Но вот что касается целенаправленно формируемых людьми сообществ, которые также принадлежат к живым системам, то на их поведение (наряду с хаотическими факторами) влияет фактор сознания. В периоды относительной стабильности он не играет решающей роли, поскольку стабильная социокультурная система подавляет поведение, отклоняющееся от нормы: общество таким образом самоорганизуется. Однако когда возникает социальная и экологическая нестабильность,

общество становится чувствительным по отношению к, казалось бы, незначительным колебаниям – например, динамики ценностей, мотивов поведения, верований и т.п. В частности, даже экономисты, анализируя причины недавнего глобального экономического кризиса, признают, что его глубинные причины кроются не столько в сбое экономических механизмов, сколько в самой человеческой природе.

Еще в середине 1970-х гг. футурологи, задаваясь вопросом, будет ли этика труда вытеснена этикой досуга, если у человечества исчезнет необходимость в тяжелом труде ради выживания или удовлетворения своих материальных потребностей, отвечали на него утвердительно. Известный экономист Дж.Кейнс писал, что если экономические проблемы будут решены, человечество лишится своих традиционных целей. А.Э.Дюркгейм подметил такую закономерность: «Самое развитие промышленности и беспредельное расширение рынков неизбежно благоприятствует в свою очередь безудержному росту человеческих желаний... теперь, когда производитель может считать своим клиентом почти целый мир, можно ли думать, что человеческие страсти, опьяненные этой широкой перспективой, удержатся в прежних границах?» [1].

Отсюда следует, что разбалансировка мировой экономической системы провоцируется изменением иерархии ценностей. Возникает вопрос, «безудержный рост человеческих желаний» – это трагичная судьба человечества, несущегося на «стреле времени» к неизбежному концу? И можно ли на этот процесс влиять посредством «фактора сознания»?

Критический порог и «окно принятия решений»

Современный взгляд на мир открывает так называемое «окно принятия решений», в которое пытаются заглянуть выдающиеся умы современности. Это «окно» новых возможностей и свободы, «окно» не расчета, но разума, «окно», открытое в не беспроблемное, но все же перспективное будущее.

Итак, с одной стороны – нарастание угрожающих существованию человечества тенденций. С другой стороны – возможности целенаправленного воздействия на социоприродные системы, воздействия, целью которого стало бы предотвращение гибели мира в его предельном состоянии – точке хаоса и удерживание человечества в ситуации техно-био-гуманитарного баланса.

Рассмотрим теперь, существует ли шанс перевода абстрактной возможности в пласт реального мышления и действия?

Тенденции, которые мы рассмотрели выше, подводят нас к критическому порогу и к явному ограничению развития того типа, который существует сегодня. Современное состояние в сравнении с выводами о пределах роста, сделанными учеными Римского клуба в 1970–80-х гг., носит гораздо более критичный характер. И если следовать методологии линейных

экстраполяций относительно нашего будущего, то оно выглядит абсолютно беспросветным. Однако специалисты понимают, что такая экстраполяция не вполне правомерна, и потому приводят исторические примеры комических ошибок в прогнозировании будущего. Так, примерно в конце XIX в. президент Ассоциации производителей экипажей Великобритании читал своим подчиненным лекцию о недавно изобретенном автомобиле. «Каждый, кто отрицает, что у автомобиля есть большое будущее – просто глупец, – сказал он. Но он будет еще большим глупцом, если предположит, что автомобиль заменит лошадь или повлияет на торговлю экипажами» [2]. Кроме того, мир по определению не может быть целиком описан теми тенденциями, которые с той или иной степенью глубины осмысливаются интеллектуалами. Вспомним теорему Геделя о невозможности постижения системы изнутри нее. Когда тенденция наталкивается на ограничения природных ресурсов, в том числе и связанные с катаклизмами, или изменения социальных параметров, возникает точка бифуркации, и вот уже дальнейшая эволюция может являть собой непредсказуемый (точнее, не предсказанный) вариант. В этот момент и вступает в игру фактор человеческой воли. Здесь возникают, как минимум, два вопроса: каков вес этого фактора? И если этот вес значим, то как использовать этот шанс в управлении непредвиденным?

Культурологи, исследуя процессы культурных изменений, опираются на закон взаимодействия традиционно-репродуцирующих и творчески-инновативных культурных механизмов. Функции этих механизмов – различны: традиционно-репродуцирующий обеспечивает стабильность социокультурной системы, творчески-инновативный – адаптацию к меняющимся историческим условиям существования общества. Эти механизмы действуют одновременно, обеспечивая целостность культуры, в которой все элементы взаимообусловлены, а развитие осуществляется за счет определенной самонастройки культуры [3]. Этот закон динамики культуры, как системы, находящейся в состоянии постоянного мониторинга среды пребывания и выработки механизмов, позволяющих подстраиваться под изменяющиеся условия, действует на всех этапах человеческой истории [4]. И лучшим критерием его эффективности выступает сам факт того, что человечество еще живо. Например, наука и технология в определенной мере компенсируют ухудшение состояния окружающей среды, истощение плодородных земель, увеличивают продолжительность жизни за счет достижений медицины и т.п. Вместе с тем, практически каждое нововведение задает новый горизонт проблемного поля. Горизонт, который инноваторы, как правило, не видят (или не хотят видеть). Когда я задаю своим студентам, будущим инженерам вопрос о том, каким образом можно разрешать проблемы, порожденные техногенной цивилизацией, они отвечают, что следует разрабатывать новые технологии, все более и более «высокие». Но ведь уже на этапе неклассической науки стало понятно, что это тупиковый путь. Так, А.Эйнштейн отмечал, что бессмысленно пытаться решить проблемы, находясь на уровне мышления, которое их породило. Почему правительства многих стран не могут справиться с преступностью и терроризмом? После каждого теракта руководители, выражая соболезнования родным и близким погибших, требуют от спецслужб эффективности в предотвращении терактов. Но терроризм – словно многоголовая гидра, растет и множится. И все отчетливее граждане понимают, что ни усиление системы безопасности, ни угрожающая террористам риторика первых

лиц с экранов телевизоров проблемы противостояния не решают. Так же не эффективна силовая политическая система управления гражданами, ограничивающая их доступ к ресурсам страны; не дает результата ограничительная миграционная политика и многое другое. Втягивание населения стран в подобные процессы, не разрешающие касающихся миллионов граждан проблем, вызывает массовое недоверие правящим элитам, депрессивные состояния, снижение креативной энергии и, что, вероятно, самое главное – потерю культурного смысла своей деятельности – и профессиональной, и гражданской.

Между тем, причина отсутствия результатов – в том, что эти проблемы по-прежнему пытаются решить, используя в качестве инструмента мышление уходящей индустриальной эпохи. В марте 2011 г. мир с беспокойством следил за развитием событий в Японии. Землетрясение и цунами привели к катастрофе. Тысячи погибших, десятки тысяч пропавших, сотни тысяч оставшихся без крова. Перебои с бензином, продовольствием, и, что самое страшное – выход из строя АЭС «Фукусима-1», взрывы на энергоблоках, скачок уровня радиации. СМИ сообщали, что этот уровень превысил допустимые значения в сто тысяч раз, и специалисты не знают, куда девать воду, с помощью которой охлаждают реактор. Власти страны заявили, что они не планируют восстанавливать АЭС. Власти стран ЕЭС сообщили, что они вынуждены пересмотреть вопрос о перспективах использования в дальнейшем ядерной энергии. Российский премьер делает заявление о том, что в мире пока нет альтернативы ядерной энергетике, но надо развивать ее, повышая уровень безопасности. То есть, вновь решать проблему на уровне действующей интеллектуальной и технологической парадигмы.

Что еще должно произойти, чтобы стало понятно, что в доминирующей модели мышления мир не спасти? Подчеркнем, что эту модель характеризуют технологический прагматизм, политический цинизм, экономический детерминизм и обслуживающая эти тренды социальная философия. В данной модели инновация фетишизируется. Вот иллюстрация: ряд экспертов, оценивая ситуацию в Японии, заключают, что случившееся – шанс сделать рывок и решить проблему с депрессивной экономической ситуацией, в которой страна находится последние десять лет, и в которую весь мир только еще втягивается. Вопрос о цене такого шанса не обсуждается: погибшие и пострадавшие люди – отдельно, страдающая природа – отдельно, будущие успехи – отдельно. Парадокс, да и только!

Традиционная и инновационная составляющая культуры: формы взаимодействия

«Звоночки» беспокойства по поводу рассогласования традиционной и инновационной составляющей культуры прозвенели уже давно. Так, Ф.Шиллер в знаменитых «Письмах об эстетическом воспитании» (1795) фиксирует отрыв современного ему государства от этического сообщества как источника жизненной силы. Проницательный ум видит причину в самой культуре, нанесшей человечеству эту рану: «Как только сделалось необходимым благодаря расширившемуся опыту и более определенному мышлению, с одной стороны, более отчетливое разделение наук, а с другой – усложнившийся государственный механизм потребовал более

строгого разделения сословий и занятий, – тотчас порвался и внутренний союз человеческой природы, и пагубный раздор раздвоил ее гармонические силы. Рассудки интуитивный и умозрительный, настроенные теперь враждебно, разграничили поле своей деятельности» [5]. Ф.Шиллер описывал, по сути, плоды (как мы теперь понимаем – промежуточные) реализации картезианской естественнонаучной программы, в которой природа представляет собой гигантский механизм, а человеческое тело есть «машина, которая, будучи создана руками Бога, несравненно лучше устроена и имеет в себе движения более изумительные, чем любая из машин, изобретенных людьми» [6]. Устранение Р.Декартом понятия души как посредницы между неделимым умом (духом) и делимым телом, противопоставление природы и духа – представление, превратившее природу в неодушевленный объект для познания и использования человеком, выведение человека за пределы природного мира в качестве демиурга – вот краткий список той картины мира, что привела к катастрофе современности.

Предвидение катастрофы – характерно для великих мыслителей. Я обычно начинаю свой курс истории и философии науки для аспирантов со знаменитого предостережения Макса Вебера: «Судьба нашей эпохи с характерной для нее рационализацией и интеллектуализацией и, прежде всего, расколдовыванием мира заключается в том, что высшие благороднейшие ценности ушли из общественной сферы или в потустороннее царство мистической жизни, или в братскую близость непосредственных отношений отдельных людей друг к другу» [7]. Разные ракурсы кризиса культурных основ человеческого бытия описывали О.Шпенглер, Н.Бердяев, К.Ясперс, В.Вернадский, А.Швейцер, Г.Х.Ортега-и-Гассет, Н.Моисеев и многие другие мыслители из разных стран. История знает и примеры личного поступка: ученые отказывались от разработок, результаты которых могли бы нанести ущерб человеческому сообществу. П.Л.Капица, несмотря на требование руководства СССР сосредоточиться на создании термоядерного оружия, занялся мирной наукой, в частности, холодильными устройствами для народного хозяйства. А.Д.Сахаров и Я.Б.Зельдович, уйдя от работ по водородной бомбе, сосредоточились на фундаментальных астрофизических проблемах Вселенной. В подобного рода случаях ученые не позволяют себе сказать: «Наука не решает, как будут использованы ее плоды» [8]. Бертран Рассел, заявивший это, однако, продолжал: «Наука сама по себе не может обеспечить нас этикой.<...> Но наш выбор между целями, которых можно достичь, должен определяться не только научными соображениями» [9]. И, логично добавить – не только соображениями власти, политики, бизнеса.

Но тогда возникает вопрос: что же может обеспечить нас этикой? Мы знаем, конечно, что этический комплекс формировался в религиях, но в XXI в. религиозная идея (по крайней мере, в европейской культуре) перестала быть путеводной звездой человечества. «Расколдованный» наукой мир, несомненно, не отказался от великого наследия человеческой культуры, но трансформировал эти ценности, укоренив их в светском обществе, в его традиционной компоненте культуры. Не обязательно быть глубоко верующим человеком, чтобы соотносить свои интенции и поступки с нормами морали. Однако сегодня и здесь возникли проблемы. Наряду с вызовами, угрожающими биологической природе человека, явственно обозначился вызов культуры – культуры как нормативно-ценностной системы, упорядочивающей жизнь сообществ.

Рассогласование между рациональным и моральным, о котором мы уже говорили, проявляется в тотальной деконструкции постмодернистского дискурса: «Эпоха постмодерна представляет собой время, которое остается людям, чтобы стать достойными гибели» [10].

Риски инноваций и седьмой технологический уклад

Все это не означает, конечно, что уже пора перемещаться на кладбище. Постмодернистский апокалипсис идет бок о бок с планами и надеждами на будущее. Хотя будущее это разным агентам общества видится по-разному, что стало очевидным в процессе дискуссии, развернувшейся вокруг проекта Стратегии инновационного развития до 2020 года (далее – Проект), подготовленном Минэкономразвития [11]. В министерстве подсчитали, что при переходе на инновационную социально ориентированную модель развития к 2020 г. Россия займет 5–10% рынка высокотехнологичных и интеллектуальных услуг по пяти-семи позициям и в два раза повысит долю высокотехнологичного сектора в ВВП (с 10,9 до 17–20%).

Между тем, эксперты настроены скептически: пока чиновники не научатся разумно тратить бюджет, и не откажутся от лоббирования псевдонаучных интересов, Россия будет развиваться лишь инерционно [12]. Потенциально наша страна может претендовать на лидирующие позиции в производстве авиакосмической техники, нанотехнологиях, композитных материалах, атомной и водородной энергетике, биомедицинских технологиях жизнеобеспечения и защиты человека и животных, отдельных направлениях рационального природопользования и экологии и ряде других, – оптимистично заявляют авторы Проекта.

Но в документе, нацеливающем страну на коренное изменение ее места в мировой системе посредством тотальных инноваций, ни слова не говорится о возможных рисках такой стратегии. Понятно, почему. Специалисты по «экономразвитию» вряд ли способны мыслить в подобных категориях. Между тем, риски растут экспоненциально. Приведем лишь некоторые примеры. В области разработок нанотехнологий и биотехнологий возрастают потенциальные возможности создания оружия, масштабы применения которого превосходят все, известные ныне. Причем это оружие может легко оказаться в руках людей, для которых вопрос о разумном его применении вообще не стоит. Механизмы контроля, существующие сегодня, в данном случае не работают [13].

Или, например, исследование вклада конвергентных технологий в усовершенствование человеческих возможностей. Такое многообещающее техническое улучшение человека может стать опасным: биотехнологические манипуляции на наноуровне подводят человечество к некоторой пограничной ситуации, где результаты такого воздействия становятся принципиально непредсказуемыми. Не исключено, что они могут привести к необратимым негативным последствиям для человечества – и на биологическом, и на физиологическом, и на социальном уровнях. И что будет с человеческой психикой после нанотехнологической корректировки тонких нейронных структур или после добавления новых органов чувств, о чем уже пишут как о реальности ближайшего будущего [14]?

Итак, инновационная стратегия представлена как очередной технократический проект, в котором заложены потенциальные угрозы бесконтрольного использования нового поколения технологий, и в котором понятие «инновационного» человека звучит лишь в контексте его функции. Это еще раз демонстрирует нашу мысль: Проект, замахнувшийся на будущее, мыслится в рамках все той же, индустриальной парадигмы.

В связи с тем, что ни данный Проект, ни какие бы то ни было другие, предлагаемые в нашей стране официальными управленческими структурами, не проходят через экспертизу, то вопрос о рисках и угрозах остается открытым. Вместе тем, существуют методы междисциплинарных подходов к оценке нововведений, которые способны обезопасить человечество. Речь идет о необходимости всесторонней, включающей социогуманитарную компоненту, экспертизы любых технологических нововведений [15]. Необходимо исходить из двух предпосылок:

1) «презумпция виновности»: любое социальное или научно-техническое новшество можно считать источником возможных негативных последствий, рисков, угроз для человеческого потенциала, пока в отношении него не показано обратное;

2) «презумпция бдительности»: нередко угрозы, риски и негативные последствия оказывались непредвиденными не потому, что их принципиально невозможно было спрогнозировать. Просто никто не предпринимал необходимых для этого специальных усилий [16].

Симптоматично, что в рассматриваемом документе – и в списке потенциальных лидирующих позиций [17], и в важнейших направлениях создания технологических платформ [18] социогуманитарные технологии отсутствуют. Акцентировка всего Проекта на естественнонаучный профиль и направления точных наук, когда социально-гуманитарные знания попадают в «другие направления подготовки» снимает надежду на то, что у новых поколений будут сформированы ценностные основы бытия, критическое мышление и творческий подход.

Любые инновации, а особенно касающиеся цивилизационных основ развития человечества, требуют не только узкопрофессиональной, экономической, но и социально-гуманитарной экспертизы. Не случайно в ведущие направления шестого технологического уклада [19] включены высокие гуманитарные технологии, проектирование будущего и управление им, технологии сборки и уничтожения социальных субъектов. Вопрос о том, какие изобретения нужны человечеству для скорейшего перехода в новую эру (поскольку стало ясно, что глубинные причины мирового кризиса – в исчерпании пятого уклада) и каковы риски, связанные с этим, решается не в узкопрофессиональных средах, а с помощью социально-прогнозных междисциплинарных технологий. Как это, кстати, делают в США: в Институте сложности в Санта-Фе творчески развивают теорию Николая Кондратьева о больших волнах в экономике, теорию инновационного развития Брайана Артура, теорию техноценоза Л.Г.Бадалян, В.Ф.Криворотова, структурно-демографические модели П.В.Турчина.

Велика роль социокультурных технологий и в формировании общества доверия и социального благополучия, смягчении социальной и региональной дифференциации, управлении миграционными процессами, в выстраивании системы поддержки инициативы бизнеса в развитии социальной сферы, в сохранении и умножении человеческого капитала в России. Как мы видим, коррупция, криминализация и наркоманизация населения также не поддаются декларативным заявлениям, а требуют системных технологий. В компетенцию таких технологий входит разработка основ гражданского общества, при котором общественные механизмы, с их инновационным потенциалом, могут быть реально встроены в государственное управление (а не так, как это существует сейчас, например, с бутафорской Общественной палатой).

Социогуманитарная экспертиза должна стать структурным элементом жизнедеятельности человечества в техносфере. Может быть, так и будет – в седьмом технологическом укладе, где станут главенствовать социогуманитарные технологии. Однако никакие технологии не возникают в вакууме – должен сформироваться субъект – носитель идей, интересов, умений и воли. И в этом процессе основополагающую роль играет образование как среда питающая, обучающая, побуждающая к ответственной деятельности на благо человечества.

Место образования в инновационной стратегии

Образование выступает медиатором, точкой пересечения политических, экономических, социальных, идеологических и иных интересов. Образование как система интегрирует широкий диапазон задач, решаемых современным обществом, таких, в частности, как следующие:

- научно-профессиональная, «работающая» на развитие современных отраслей экономики. В этом случае образование выступает в качестве государственного экономического ресурса;
- специализированное обучение, дающее основу для включения поколений в трудовую деятельность. Тогда его можно считать важным элементом совокупного социального капитала;
- обретение личностью знаний и умений, необходимых для ее включения в грядущее общество – общество, основанное на знаниях. Тогда образование играет роль катализатора интеллектуального капитала;
- формирование свободной личности, способной к саморегуляции и самосовершенствованию, как и ответственности за последствия своей профессиональной и гражданской деятельности. В этом случае образование – способ самореализации личности как профессионала и гражданина.

Во всех перечисленных срезах образование способно (да, собственно, в этом и заключена его миссия) сочетать традиционно-репродуцирующий и творчески-инновативный компоненты культуры, «собирая» мозаичность, фрагментарность современного мира в культурную целостность. Поскольку образование – сложная и многофункциональная система, баланс этих составляющих труднодостижим. Вот и в упоминавшемся Проекте, который декларирует систему

целей, приоритетов и инструментов государственной инновационной политики, говорится о том, что качество образования на всех уровнях продолжает снижаться. Не проявляет население и желания постоянно совершенствоваться и обновлять свои знания: в возрастной группе 25–46 лет его участие в непрерывном образовании в 2008 г. составило 24,8% (для сравнения в Великобритании – 37,6%, в Германии – 41,0%, в Финляндии – 77,3%) [20].

То, что за этими цифрами – целый пласт причин, связанных, не столько с инерционными, консервативными качествами людей, сколько с возможностями применения этих знаний, с работающими социальными «лифтами» и пр. – осталось за рамками «аналитического» документа.

А вот как в документе видится инновационный человек: «Ключевыми компетенциями инновационного сообщества должны стать:

- способность и готовность к непрерывному образованию, постоянному совершенствованию, переобучению и самообучению, профессиональной мобильности, стремление к новому;

- способность к критическому мышлению;

- способность и готовность к разумному риску, креативность и предприимчивость, умение работать самостоятельно и готовность к работе в команде, готовность к работе в высококонкурентной среде;

- широкое владение иностранными языками как коммуникационными инструментами эффективного участия в процессах глобализации, включая способность к свободному бытовому, деловому и профессиональному общению на английском языке» [21].

Но где *ответственность*? За стремление к новому (всегда ли оно является позитивной ценностью?), за критическое мышление (оно может носить как конструктивный, так и деструктивный для общества характер), за предприимчивость (мы знаем примеры суперпредприимчивости, проявленной в ограблении собственного народа)?

Трудно не согласиться с констатациями проблем, которые сопровождают систему образования. Но в чем же ключевые причины, умело обойденные авторами стратегии Проекта? Они (о чем говорят и пишут все эксперты, за исключением чиновников, разумеется) – в негативных последствиях реформирования. Опыт последних двух лет приема по ЕГЭ свидетельствует о том, что экзамен практически снял вопрос об инновационной личности, ибо уже задолго до выпускных классов педагоги вынуждены заниматься натаскиванием на ответы по тестам, имеющим к тому же крайне сомнительную ценность в усвоении современного корпуса знаний.

Такая система делает крайне проблематичным формирование «инновационной личности», что требует не натаскивания, а специальных методик [22]. «Выправить» эти недостатки в вузах (как

на это ссылается текст Проекта) невозможно – у выпускников школ нет необходимого, элементарного знаниевого базиса, как нет и устойчивых навыков к добыванию знаний. Доступность Интернет-ресурсов лишь усугубляет проблему, так как процесс школьного обучения не включает соответствующих методик работы с Интернет-ресурсами, благодаря чему молодые люди обладают лишь навыками скачивания готовых интеллектуальных продуктов без всякого их осмысления.

Особенно это положение опасно в смещении дисциплинарных акцентов в школе и в вузе. Возможность выбора такой модели школьного обучения, в которой минимизированы гуманитарные предметы, как и неуклонное сокращение социально-гуманитарной компоненты в вузовском специализированном образовании не могут не влиять негативно на «формируемые у человека жизненные установки, модели поведения...». То есть, ключевые компетенции инновационного сообщества, названные выше, при сохранении нынешнего курса реформирования образования достигнуть нереально. Идеи о «нашей новой школе» вступают в явное противоречие с этим курсом.

Процитируем авторитетное мнение: «Об образовании толкуют все, кому только есть время и охота толковать: составляются проекты, изменяются программы, увеличивается или уменьшается число учебных часов, передвигается порядок занятий, чувствуется во всем ходе образования какая-то общая нескладица – но переделки производятся... все в одном и том же узком кругу идей, составившемся бог знает когда... Раздаются голоса, говорящие решительно и ясно о том, что следует формировать человека, а не моряка, не чиновника, не офицера. Все слушают – и умиляются и начинают действовать, а между тем в результате оказываются только переименования и передвижения. Призрак специального образования никак не решается исчезнуть и до сих пор мешает нашему обществу разглядеть действительный смысл и настоящую задачу образования. Вместо того чтобы с корнем вырвать ошибочный принцип, прогнать нелепый призрак, мы все хлопчем о том, чтобы заключить невозможную мировую сделку между призраком и действительностью, как будто возможны какие-нибудь сделки между истиной и бессмыслицей...» [23]. Знакомая картина? Но это – Д.И.Писарев. Статья была написана в 1863 г., когда он находился в заключении в Петропавловской крепости. Он предложил исключить из программы средней школы историю («учебники никуда не годятся... но новых учебников совсем не нужно; они также никуда не будут годиться, потому что учебник для гимназий – бессмыслица... рациональное преподавание истории в гимназии также мечта, которая ни при каких условиях осуществиться не может» [24]), литературу, политическую географию и другие гуманитарные предметы и оставить только науки о природе. Если добавить к этому его тезис, что женщины – «все специалисты, потому что воспитываются или для светской жизни, или для кухни, или для места гувернантки» [25], то концепция будет почти завершена. Не правда ли, время – даже полторы сотни лет – мало что меняет в некоторых дискуссиях.

Проводившиеся нами в вузе исследования показали, что студенты, в частности, инженерных специальностей («ответственных» за инновационность, по мнению руководства страны) явно

недооценивают значимость для творческой самореализации гуманитарных знаний и эмоционально-волевых характеристик, но ведь именно развитие эмоциональной сферы личности делает возможным развитие человечности, а волевые характеристики способствуют достойному воплощению задуманного. Более того, большинство студентов нацелено на получение высшего образования как статусной позиции, а не на достижения в определенной профессии. Часто специальность, по которой они обучаются, не отражает их истинных интересов. Но самое примечательное – в том, что обнаружилась прямая корреляция уровня креативности с уровнем личностной зрелости: те студенты, чьи смысложизненные ориентации уже сформированы, обнаружили высокий уровень мотивации к творческой деятельности. Эти респонденты отмечали, что для творца необходимы образованность, интеллектуальность и неординарность личности (в то время как студенты с низким уровнем осмысленности жизни считали значимым для творца сумасшествие, психические заболевания).

И, наконец, выяснилось, что творческое отношение к миру – залог широты и масштаба мышления. Самоактуализирующийся человек обладает, кроме способности к новациям, такими характеристиками, как принятие себя, других людей и природы, а также общественный интерес, который вместе с «принятием другого» задает масштаб мышления, выраженный в стремлении помогать окружающим, заботиться о безопасности человечества.

Но есть и еще один момент, связанный с характером и качеством образовательного процесса. Постановка на общенациональном уровне задачи перехода к новому типу экономики требует таких профессиональных навыков, которые включают генерирование идей в новых областях с помощью давно зарекомендовавших себя особых методик поиска новых технологических идей и решений. Их смысл – в активизации комбинаторного мышления, которое предполагает быстрое оперирование информационными базами данных, выделение существенных для решения задачи признаков, смысловую перегруппировку в конфигурации исходной информации, и в итоге – адекватную оценку и принятие правильного решения в критической ситуации. Однако более высокий уровень инновационных процессов – интегративный – не будет достигнут с помощью подобных методик, если специалист не владеет основами социально-научного и гуманитарного способов познания, которые формируют гибкость, ответственность и способность встраивать профессиональную деятельность в социокультурный контекст.

И если еще некоторое время назад мы искали образцы таких подходов на Западе и в американских университетах, то теперь, в ситуации меняющегося мирового порядка, может быть, стоит поучиться у быстро развивающихся стран? Вот пример аутсорсинговой компании Tata Consultancy Services (TCS), основанной всего лишь в 1968 г. в Мумбаи (Индия). Это самый крупный поставщик информационных технологий в Азии, имеющий офисы в 42 странах мира. Еще в 1980-е гг. в компании работали всего 400 человек. К 2007 г. ее штат насчитывал 90 тыс. специалистов, а в 2011–2012 гг. запланирован прием 60 тыс. новых сотрудников. TCS нанимает в среднем 125 человек каждый рабочий день. Руководство TCS предпочитает набирать выпускников университетов и самостоятельно обеспечивать их дальнейшую подготовку.

Компания ищет будущих специалистов в 300 институтах страны, предлагая потенциальным сотрудникам онлайн-тесты, проверяя их общую подготовленность и аналитические способности. После зачисления в штат молодые сотрудники проходят 52-дневный курс подготовки в учебном центре компании в Керале. Здесь они занимаются не только вопросами разработки программного обеспечения, но и более тонкими вещами, включая работу в многонациональной среде. Занятия ведут специалисты по культурным традициям различных регионов. Способности взаимодействовать с представителями других культур оттачиваются в ходе ролевых игр и других подобных мероприятий. Но на этом процесс подготовки не заканчивается. После курсов молодые специалисты каждый год в течение 15 дней участвуют в дополнительных учебных занятиях. Возможность непрерывно учиться создает для сотрудников еще один стимул, чтобы остаться в TCS. Уровень текучести кадров в компании – 11%, это самый низкий показатель для всей ИТ-отрасли Индии (у конкурентов он составляет в среднем 20%). Те, кто планируются для работы за пределами Индии, проходят особую программу, занятия по которой длятся месяц. В основе программы – обучение межкультурному взаимодействию, стратегии и командной работе. Помимо чисто деловой подготовки есть и такие мероприятия, как скалолазание.

Нилеш Белекер, инженер-химик, прошедший эту программу в расчете на назначение на менеджерскую должность в европейском подразделении TCS, так описывает содержание программы: «На занятиях мы постигали, в числе прочего, что следует и чего не следует делать, работая в Венгрии (это одна из стран, где TCS ведет бизнес). Но самыми интересными были занятия по культуре Индии, в частности обучение наиболее популярным традиционным танцам страны. Теперь мы можем гораздо успешнее представлять свою страну, работая за рубежом» [26]. Может быть, в этом разгадка индийской экспансии на западный рынок? Ведь индийские менеджеры все чаще занимают руководящие посты в транснациональных компаниях.

Сделаем выводы.

Идея включения культурных императивов в процессы инновационных преобразований – не нова. Сфера этического занимает промежуточное, опосредованное положение между *способом мышления эпохи и практической деятельностью*, соотнося их и упорядочивая. Однако современность демонстрирует такие темпы инновационной практической деятельности, что человек как бы запаздывает в осмыслении их характера, направленности и возможных последствий. И это не только *может* быть чревато катастрофой, но уже подвело к ее порогу.

Дальнейшее развитие индустриального мышления, существующего на сегодняшний день, ограничено исчерпанием планетарного ресурса. И это означает приближение к точке хаоса, в которой некоторые тенденции изменятся или исчезнут, а их место займут другие. Какие именно – зависит от воли и сознания людей, участвующих в процессах самоорганизации. Проблемная ситуация проявляется в конфликте между инновационными трендами, стимулируемыми интересами политики, бизнеса, ужесточением конкуренции – и нравственно-этическими

императивами ее регулирования. В основе конфликта лежит устойчивое убеждение, что с проблемами, которые возникают в техносфере, можно справиться с помощью новых технологий, с политическими проблемами – с помощью новых политических решений и т.п. Однако каждый новый шаг в этом направлении порождает новые проблемы, еще более высокого уровня сложности. Поэтому важно, чтобы в начальных фазах периода социальной и экологической нестабильности, в «окне решений» были сформулированы такие приоритеты, которые привели бы мир к новым ценностям и новому мировоззрению.

Элементы нового способа мышления, его контаминации, пока не «собранные» в генерализующую практическую деятельность парадигму, тем не менее, уже продуцированы интеллектуальной элитой. Этого достаточно, чтобы, не дожидаясь превращения этих идей в «классическое» знание, включить их в систему образования, которая по определению (если ее не раскачивать) способна удерживать баланс между традиционной и инновационной составляющей культуры, выступая ядром аккумуляции, порождения и трансляции ценностей от поколения к поколению. Но для этого оно должно отвечать *идеи и миссии культуры*. Культурология, понимаемая не просто как социально-гуманитарная дисциплина в ряду других, обладает особым свойством: интегративностью. При адекватном понимании культурологами и другими участниками университетского сообщества возможностей знания о культуре и соответствующем учебно-методическом обеспечении дисциплина способна вносить смыслы в профессиональную деятельность и задавать парадигму ответственности в практические решения.

Пока еще не поздно.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цит. по: *Юревич А.В.* Психологические корни экономического кризиса. URL://<http://www.ipras> (дата обращения 20.03.2011).

[2] Пример принадлежит ученому и писателю сэру Артуру Чарльзу Кларку, автору книги «Космическая одиссея 2001 года». Цит. по: *Лайтман М., Ласло Э.* Вавилонская башня – последний ярус. Иерусалим, 2007. С. 22.

[3] См.: *Флиер А.Я., Костина А.В.* Культура: между рабством конъюнктуры, рабством обычая и рабством статуса. М., 2011. С. 99–120, а также работы Э.С.Маркаряна, Э.А.Орловой, Л.Уайта.

[4] *Флиер А.Я., Костина А.В.* Указ. соч. С. 119.

[5] *Шиллер Ф.* Письма об эстетическом воспитании человека // Шиллер Ф. Соб. соч. М., 1857. Т. 6. С. 265.

[6] *Декарт Р.* Избр. произв. М., 1950. С. 300.

- [7] Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избр. произв.: пер с нем. М., 1990. С. 733–734.
- [8] Russel B. The Science to save us from Science // New York Times Magazine. 1950. March 19. P. 3.
- [9] Op.cit. P. 33.
- [10] Козловски П. Культура постмодерна. М., 1997. С. 34.
- [11] Проект Стратегии инновационного развития Российской Федерации до 2020 г. URL: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20101231_016 (дата обращения: 20.03.2011).
- [12] Обзор дискуссии см.: URL: <http://www.rbcdaily.ru/2011/01/11/focus/562949979523546> (дата обращения: 20.03.2011).
- [13] См.: Лепский В.Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М., 2010. С. 93.
- [14] Горохов В.Г. Роль социально-гуманитарного знания в развитии новых технологий // Высокие технологии – стратегия XXI века: материалы конф. XI Междунар. форума, 19–22 апреля 2010 г. М., 2010. С. 319–320.
- [15] См., например: Багдасарьян Н.Г. К проблеме социально-гуманитарной экспертизы технологий обеспечения безопасности населения // Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности / под ред. Г.В.Иванченко, Д.А.Леонтьева. М., 2006.
- [16] Методологические аспекты инновационного развития России: проектно-аналитическая записка по итогам работы КИР за 2009 г. / отв. ред. В.Е.Лепский. См.: URL: <http://www.reflexion.ru/club/> дата обращения: 20.03.2011).
- [17] См.: проект Стратегии... С. 25.
- [18] Там же. С. 64.
- [19] Об укладах см.: URL: <http://go.mail.ru/search?rch=1&q=%F2%E5%F5%ED%EE%EB%EE%E3%E8%F7%E5%F1%EA%E8%E5+%F3%EA%EB%E0%E4%FB+%E8+%E4%EB%E8%ED%ED%FB%E5+%E2%EE%EB%ED%FB> (дата обращения: 20.03.2011).
- [20] См. проект Стратегии... С. 12.
- [21] Там же. С. 36.

[22] Отдельная проблема – учителя, владеющие такими методиками. См., например: *Багдасарьян Н.Г.* Кто встанет за кафедру завтра? // Высшее образование в России. 2006. № 5.

[23] *Писарев Д.И.* Наша университетская наука // Соч.: в 4 т. М., 1955–1956. Т. 2. С. 215.

[24] Там же. С. 220.

[25] Там же. С. 223.

[26] См.: Ведомости. 2007. 2 февр.

© Багдасарьян Н.Г., 2011

Статья поступила в редакцию 15 мая 2011 г.

Багдасарьян Надежда Гегамовна,

доктор философских наук, профессор,

профессор кафедры социологии и культурологии

Московского государственного технического университета им. Н.Э.Баумана (Москва)

Bagdasaryan N.

GLOBAL SPACE OF CULTURE: CONTEMPORARY RUPTURES IN TRENDS AND PARADOXES

Abstract. Today, the problem of global future, its configuration and quality characteristics excites not only intellectuals. An increasing number of people feel the increasing threats to the survival of mankind. The article explores a possibility of targeted effects on socio-natural systems, the purpose of which would be to prevent the apocalypse in the limit-state of the world – at the chaos point and to retain mankind in the situation of techno-bio-humanitarian balance.

Key words: global trends, butterfly effect, ethics in science, seventh-wave technological development, the social-humanitarian expertise, new way of thinking, culture, education

Bagdasaryan Nadezhda Gegamovna,

D. in Philosophy, Professor,

Professor of the Sociology and Culturology Department,

Bauman Moscow State Technical University (Moscow),

e-mail: ngbagda@mail.ru